

Александр Голиковкандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина**Oleksandr Golikov**

PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology V. N. Karazin Kharkiv National University

ПРАВО КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ЗНАНИЕ, ПРАКТИКИ, ДОВЕРИЕ

В статье осуществляется анализ права как формы общественного сознания в рамках социологии знания. Автор демонстрирует внутреннюю связанность знания, практик, доверия, структур в пределах конкретной формы общественного сознания. Доказывается рядоположенность права с такими формами общественного сознания как универсумов специфических суждений, как мифология, мораль, религия, наука, обыденное мышление, для чего автор применяет собственную концепцию соотношения инстанций Другого и Третьего. Подчеркивается, что производство суждений в рамках любой из форм общественного сознания непосредственно связано с постоянными (что не синонимично повседневному) практиками самих агентов. Делается вывод, что право представляет собой прежде всего не институты или формализованные правила, но форму общественного сознания.

Ключевые слова: знание, социология знания, право, форма общественного сознания, практики.

The article deals with the consideration of law as a social consciousness form within the framework of the sociology of knowledge. The author demonstrates the internal coherence of knowledge, practices, trust, structures within a particular form of social consciousness. The order of law with another forms of social consciousness (as universums of specific judgments), like mythology, morality, religion, science, everyday thinking is proved. Thus author applies his own concept of the correlation between the instances of the Other and the Third. It is emphasized that the production of judgments within any of the forms of public consciousness is directly related to the constant (that is not synonymous with everyday) practices of the agents themselves. It is concluded that law is primarily not institutions or formalized rules, but a form of public consciousness.

Keywords: knowledge, sociology of knowledge, law, social consciousness form, practices

У статті здійснюється розгляд права як форми суспільної свідомості в рамках соціології знання. Автор демонструє внутрішню зв'язаність знання, практик, довіри, структур в межах конкретної форми суспільної свідомості. Доводиться відповідність права таким формам суспільної свідомості (як універсуму специфічних суджень), як міфологія, мораль, релігія, наука, повсякденне мислення, для чого автор застосовує власну концепцію співвідношення інстанцій Іншого і Третього. Підкреслюється, що виробництво суджень в рамках будь-якої з форм суспільної свідомості безпосередньо пов'язане з постійними (що не синонімічне повсякденним) практиками самих агентів. Робиться висновок, що право являє собою перш за все не інститути або формалізовані правила, але форму суспільної свідомості.

Ключові слова: знання, соціологія знання, право, форми соціальної свідомості, практики.

Современная социологическая и философская мысль в отношении проблематики общественного сознания и его форм отличается известной степенью противоречивости и шизофреничного самоотрицания. С одной стороны, данная терминология, как «унаследованная от марксизма», подвергается игнорированию, смешанному с критикой. С другой же – её постоянно возвращают в социологию, философию, культурные и политические студии, постоянно реактуализируя в самых невероятных вариациях (см., например, [1]). Современный исследователь по этому поводу пишет следующее: «В последнее время наблюдается явный интерес к поискам и обоснованию экономического, технологического, экологического и трудового сознаний в качестве форм общественного сознания» [2. с. 77-78]. Однако даже плотная проработка этой проблематики в советском марксизме (детально этот вопрос мы разбирали, в частности, в [3]) не закрыла вопрос хотя бы об исчерпывающем списке и критериях определения форм общественного сознания. Особенно этот вопрос является интересным в оптике социологии знания, что, с нашей точки зрения, дало бы современной социологии новый импульс в изучении феномена общественного сознания и его форм.

С другой же стороны, исследовательски актуальным является применение методологии социологии знания к исследованию форм общественного сознания на примере именно права. Во-первых, исследования права и правосознания в украинской социологии последних нескольких лет явственно приостановились, сводясь исключительно к вопросам правовой осведомлённости, правовой культуры и «приближения украинской правовой ситуации к европейским нормам». Во-вторых, право является достаточно дискуссионным с точки зрения его природы вообще и, в частности, - с точки зрения его статуса как формы общественного сознания. В-третьих, именно право при этом активно разрабатывается в европейской социологии (и тут мы в рамках данной работы планируем обратить особое внимание на результаты исследований Н. Лумана), и фундаментальный обзор этого даётся в работе Е. Масловской [4], где в круг обзора попадают Т. Парсонс, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Н. Луман, Дж. Александер и другие классики социологической мысли.

Именно поэтому **целью** нашей статьи является анализ права как формы общественного сознания с точки зрения сопряжения практик, структур, доверия, знаниевых его аспектов.

Никлас Луман в своём *opus magnum* рассматривает право, безусловно, не как форму общественного сознания, а как «гетерогенную функциональную область», в ряду с наукой, экономикой, политикой, СМИ, интимностью,

- и указывает, что все они «выказывают сравнимые структуры; уже хотя бы потому, что их дифференциация (*Ausdifferenzierung*) требует образования систем» [5, с. 9]. При этом Луман, в отличие, например, от Т. Парсонса, отказывается эссенциализировать и фактуализировать любую из этих систем, и указывает, что «в действительности хозяйство, право, школа и т. д. не находятся вне общества и могут мыслиться лишь как его воплощение» [5, с. 94]. Их же существование прежде всего заключается в том, что они как функциональные системы (неважно, это экономика или наука, политика или воспитание, медицина или право) «выставляют собственные требования к соответствующим собственным границам, которые отныне уже не могут замыкаться в каком-то конкретном пространстве или вокруг какой-то группы людей» [5, с. 160]. Причём правовая, как и политическая, системы отличаются тем, что они, и только они «регионально дифференцируются в форме государств. Все остальные оперируют независимо от пространственных границ. Именно однозначность пространственных границ делает ясным то обстоятельство, что они не признаются ни истинами, ни болезнями, ни образованием, ни телевидением, ни деньгами (если принять во внимание и потребность в кредитах), ни любовью» [5, с. 175]. Иначе говоря, Луман в исследовании права применяет свой стандартный инструментарий из кибернетических концептов а-ла дифференциация, код, система, включение – в частности, он указывает, что «дифференция включения/исключения влечет за собой тяжелые последствия, ибо она, с одной стороны, вызывается функциональной дифференциацией мирового общества, а, с другой стороны, препятствует (если не пресекает его вовсе) региональному производству условий функциональной дифференциации. Она прерывает развитие достаточно больших и дифференцированных региональных рынков, являющихся предпосылками рыночно ориентированного массового производства и ставит тем самым периферийные страны в зависимость от экспорта в такой форме, которая подвергает их экономики значительным колебаниям. Кроме того, эта дифференция ведет к тому, что широкие круги населения не включаются в систему права, так что не может утвердиться (или утверждается лишь очень ограниченно) код «правовое/неправовое», присущий правовой системе. Соответственно, нельзя положиться на то, что программы правовой системы (законы, в том числе и конституционные) действительно регулируют соотношение кодов правового и не-правового с фактическими обстоятельствами; и хотя это в значительных объемах все же и происходит, но происходит именно соразмерно включению/исключению» [5, с. 177].

Такой общий взгляд уточняется им в специализированных разработках, на данный момент не переведенных на русский язык (см., в частности, [6]). В частности, состоящая из трёх глав (где анализируются классические теории права, современная социология права и право как система, соответственно) «Социология права» содержит куда более детальные и углублённые теоретические и эмпирические секвенции. Луман там оказывается между критическим осмыслением современной социологии права (которая, по Луману, не даёт ни серьёзного генетического анализа права, ни функционального анализа системы права) и историко-эмпирическим осмыслением зарождения права в «фактической жизни» межличностных отношений. Именно здесь, по Луману, коренится источник права – а именно в ощущении «ожидания определённого поведения», которое нуждается в стабилизации посредством правил и дефиниций должного. Дело в том, что такая стабилизация, фиксация и устойчивость «экономит ориентацию ожидания», как говорит сам Луман, снижает риски, вероятности ошибок и шансы промахов в ожиданиях. Правила превращают отклонения от ожиданий в ошибки, правила дозируют поведение, правила социально объективируют познавательные и нормативные ожидания (два типа, выделяемые Луманом). В условиях же усложнения общества, дифференциации взаимодействий, при «сверхпроизводстве нормативных ожиданий» право, отдифференцируя нормативные ожидания, «конгруэнтно генерализует нормативные ожидания поведения» [6].

Безусловно, всё многообразие права не было представлено в архаическом или предсовременном праве – оно достигает своего максимума в «позитивном праве» общества, современного нам. Точно так же Луман осознаёт, что отграниченность права от других подсистем общества (и даже политической) как его важнейшая характеристика есть исторический продукт со своим генезисом. Хорошим примером этого осознания является выделение Луманом судов как подсистемы права, дифференцированного не иерархически, а по шаблону «центр-периферия». Именно суды выполняют функцию центра в современной системе права – в отличие от системы права предшествующих периодов, когда суды были иерархически подчинены.

Однако несмотря на такую отдифференциацию, система права остаётся в соотносённости с другими системами. Система права постоянно наблюдает другие подсистемы общества – и с этой точки зрения является «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой» [7, р. 20]. Это, впрочем, не создаёт никакой угрозы автономии или идентичности системы

права – ведь операции в рамках системы права продолжают осуществляться под влиянием исключительно правовых принципов. В частности, это означает, что, например, изменение норм права может осуществляться «только внутри правовой системы. ...правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений» [8, р. 113]. Тем самым Луман подтверждает диагноз, поставленный им же сами своей концепции как «операционный конструктивизм» или «радикальный операционализм» [9, с. 79].

В рамках этого анализа операций Луман обнаруживает, что любому смыслу предшествует «комплексность» и «контингентность». Первое означает, что одновременно и одновременно сосуществуют перспективы и возможности, превосходящие своим количеством смыслы, которые реализуются непосредственно любым субъектом. Иначе говоря, любой личный опыт всегда содержит и альтернативы этого опыта, то есть его «горизонт существования». Одним из факторов такой комплексности является контингентность (то, что Луман определяет как «ни невозможное, ни неизбежное») – вероятность последствий, которая может не совпадать с «ожидаемым», что на практике сочленяет эти понятия следующим образом: «...комплексность означает принуждение к отбору, в то время как контингентность таит угрозу разочарований и необходимость рисковать» [10, с. 25].

Прежде всего это означает, что любая контингентность разрешается, а любая комплексность редуцируется исключительно в деятельности. Иначе говоря, наследство обретает смысл исключительно в случае поведенческого описания субъектом чего-то как наследуемого им (в частности – и защиты своих прав). Луман и сам указывает на деятельность как на материал, из которого рождается порядок: «Социальные системы возникают вследствие того, ... что оба партнера испытывают двойную контингентность и что неопределенность такой ситуации придает структурообразующее значение для любой активности обоим» [11, с. 157]. В такой постоянной контингентности право прежде всего оказывается не фундаментом для принудительного порядка (это видит любой наблюдатель, а не только социолог), а «способом содействия ожиданиям» [10, с. 78].

Значит ли это неизбежности права, его универсальности или диктативности по отношению к поведению / практикам / действиям? Безусловно, нет. И хотя Луман указывает, что для «нормативных ожиданий верно ровно обратное: их невозможно игнорировать, если кто-то действует вопреки им ... Соответственно, нормы – это контрфактически стабилизированные поведенческие ожидания. Их значение

подразумевает безусловную действительность, поскольку действенность нормы переживается и институциализируется вне зависимости от их исполнения или неисполнения» [10, с. 33], но прекрасно известно, что, во-первых, есть регулятивы поведения более универсальные и мощные (и сам Луман таковым называет мораль), а во-вторых, смена контекстов (Гофман сказал бы «рефрейминг») способна стать основанием для превращения нарушения в обычай. Иначе говоря, нормы права не представляют собой – как и любой регулятив или ограничение в ситуации в двойной контингентности – исключительно бинарного кода, хотя система права и «видит» законность и её нарушения как таковой. Она представляет собой сложный континуум альтернатив у каждого партнёра по взаимодействию – и, соответственно, «у обеих сторон должно, следовательно, иметься в распоряжении не просто множество возможностей, но порядок предпочтений, который необходимо схематизировать под углом зрения преимущественно позитивных и преимущественно негативных оценок» [12, с. 39].

В этой схеме не хватает места знаниевым аспектам. С нашей точки зрения, его можно найти в определении ожидания – определяемого, конечно, в лумановской стилистике не психологизаторски через «состояния индивидуальных сознаний», а через ситуативное, моментное состояние смысла в коммуникации [13, с. 126]. Именно это позволяет отделить право – как и любую другую форму общественного сознания, как и любой другой «град справедливости» (в рамках методологии Болтански и Тевено [14]) – от его функциональных эквивалентов, знаниевых или порядковых, нормативных или когнитивных.

Сам Луман, правда, это решает несколько иным способом – вводя понятие «кода системы», задающего аутопойетичность оперативно закрытой системы. Именно наличие «системного кода» позволяет Луману постулировать конструируемость действительности наблюдателем (то есть оператором кода) – всегда отделённого от окружающего мира, всегда в своих собственных операциях наблюдающего свои собственные состояния. Именно наличие «системного кода» позволяет Луману уйти от ряда философских гносеологических и эпистемологических «проклятых вопросов» по поводу объективности, соотносённости субъекта и объекта познания, методологии и так далее. Именно код у Лумана есть инструмент актуализации селекционированного смысла и деактивации, элиминации, редукции остальных. Причём если обратиться к примеру, который приводит сам Луман, словоупотребление или вербальная апелляция к коду системы ещё не есть оперирование этого кода. Коммуникация

не осуществляется исключительно вербально, хотя без verb она невозможна. Коммуникация как единство трёх селекций (сообщения, понимания, информации) подразумевает недостаточность лишь одной из этих селекций (что и происходит при исключительно формальной или сугубо вербальной апелляции к коду системы). Вот тут, с нашей точки зрения, находится вторая «пробоина» в концепции Лумана, которая может быть знаниевым образом закрыта. Оказывается, что сугубо ритуальных, жестовых, практических или знаковых аспектов недостаточно для признания действия принадлежащим к определённой системе (или природе, что на самом деле то же самое). Здесь, кроме уже упомянутой идеи «град справедливости / порядков величия» [14], с нашей точки зрения, может успешно работать идея реконцептуализированных форм общественного сознания.

Как указывает современный исследователь, «общественное сознание реализуется через традиционно выделяемые марксистской философией формы: политику, право, мораль, религию, науку, искусство, философию» [2, с. 77], причём, как мы уже выше сказали, «очевидной остается необходимость определения четких критериев, позволяющих конституировать ту или иную форму общественного сознания». В частности, предлагается «наличие у формы возможностей к регулированию жизненно важных видов деятельности, в том числе через поддержание целостности общественного сознания» [2, с. 78].

Удивительным образом большинство исследователей проходят мимо этой проблемы, как самоочевидность аксиоматизируя, что «правосознание является важной формой общественного сознания» [15, с. 122], что «правосознание является одной из форм общественного сознания. Общественное сознание в научной литературе определяется как особая форма отражения объективной действительности осуществляемая человеком» [16, с. 110], что «правовое сознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности» [17, с. 277], что «правосознание – это форма общественного сознания, такой уровень развития когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов на основе сформированных духовно-нравственных качеств человека, когда экономические и другие важнейшие интересы личности облагораживаются нравственными принципами, что обеспечивает гармоничное сосуществование её с обществом» [18, с. 119].

В отличие от аналитически-дифференцирующего подхода Лумана, в таких интерпре-

тациях частой является утверждение единства правосознания с другими формами общественного сознания: «...правосознание не является обособленной, уникальной формой общественного сознания. Наоборот, основные категории правосознания выступают в качестве категорий других форм общественного сознания» [15, с. 122]; «...при рассмотрении правосознания следует учитывать тесное взаимосуществование всех форм общественного сознания. Нет формы сознания безразличной, нейтральной к праву [19, с. 24]; «...Чёткого подразделения общественного сознания на правовое, политическое, нравственное и т.д. не может быть на практике. Как хорошо известно, мы видим их настолько тесное взаимодействие и переплетение, что подчас затруднительно выделить отдельные составляющие» [18, с. 116].

Мы, безусловно, соглашаемся с тем, что, во-первых, право как форму общественного сознания с другими формами объединяет генезис (в частности, генезис от религиозных, философских или мифологических структур мышления; во-вторых, право оперирует категориями (как когнитивными структурами специфического вида), совпадающими с категориями других форм общественного сознания (закон – с религией; справедливость – с моралью; и т.п.). Однако «с развитием человечества протекал процесс дифференциации и поляризации форм духа, достигший своего апогея в эпоху постмодерна» [20, с. 18], причём, конечно, проявления морали (например) «в силу ряда своих особенностей наиболее явно предстает в правовом оформлении» [21, с. 194]. Однако совпадения проявлений ещё не означают совпадения сущности.

Попытки отделить могут проходить по разным осям. Например, можно находить специфику правосознания «в том, что нормативный, волевой момент в нем выражен наиболее ярко» [22, с. 83] – что является достаточно слабым аргументом, ибо любая форма общественного сознания существует именно с целью закрепления и стабилизации ожиданий, редукации сложности, говоря на языке Лумана, и упрощения фрейминга практик, говоря терминами Гоффмана. Можно углубляться в анализ содержания права как формы общественного сознания (отношение к закону, правовые представления, справедливость, права и обязанности, дозволения и запреты, мотивы и установки в правовой сфере общества, правоотношения, юридические нормы, механизмы регулирования, поступки в сфере прав). Можно анализировать категории правосознания – и выделять, соответственно, категории юридических прав, юридических обязанностей и законности [16, с. 128]. Эти векторы дальнейшей разработки являются актуальными именно с точки зрения исследования права как

формы общественного сознания, а не как системы коммуникации и не как институциональной структуры.

Так, общественное сознание крупный исследователь А. Уледов предлагает дифференцировать от сознания общества¹ тем, что общественное сознание дифференцируется по предмету и по способу отражения [23, с. 187–188]. Эту типологию мы считаем формальной, апеллирующей исключительно к видовым и внешним проявлениям исследуемого феномена. Н. Сумина описывает общественное сознание как «совокупность идей, теорий, взглядов, социальных чувств, привычек и нравов людей, обусловленных объективной действительностью и воздействующих на нее... Общественное сознание имеет два уровня – обыденный и теоретический» [24, с. 70]. Такое описательно-перечисляющее определение кажется нам рискованным: в частности, нет никаких доказательств, что исследовательница включила в перечень элементов общественного сознания исчерпывающий каталог его структурных составляющих. Мы считаем нужным упомянуть, что «основой сознания является наличие знания, которое формируется в процессе деятельности, развивается и обогащается под воздействием социокультурной реальности» [21, с. 191] – того самого знания, что индивидуально-психологически может определяться по-разному, но в социальном смысле есть «способность... выделять себя из окружающей действительности..., а также осознание своей деятельности, мыслей, чувств, интересов, потребностей» [там же]. Иначе говоря, право как форма общественного сознания невозможно без определённых знаниевых комплексов, составляющих субстрат этой формы – знания деятельного, «живого», актуализированного, практического, эмоционально и ценностно окрашенного.

Для проверки всех этих теоретических выкладок мы осуществили анализ эмпирических материалов. Группой социологов в период с 20 ноября по 10 декабря 2015 г. было проведено социологическое исследование на тему «Харьковчане о качестве и доступности работы органов юстиции г. Харькова» методом поквартирного опроса во всех районах города Харькова в режиме стандартизированного личного интервью (face-to-face), которое проводится по месту жительства респондента². В исследовании

1 Сознания нации, коллектива, групп, класса; сознания специализированного и массового; сознания в разных состояниях – мировоззрения, мнения, норм, традиций

2 Автор выражает благодарность за участие в данном исследовательском проекте к.с.н. А.А. Дейненко, к.с.н. А.А. Калашниковой, к.с.н. Р.И. Борисову, асп. Д.Н. Бойко, студентам Б.А. Диканю и Д.С. Десенко, без участия которых этот проект не состоялся бы.

Таблица 1.

Опыт контакта харьковчан с деятельностью органов юстиции (ответы респондентов на вопрос: «Как бы Вы в общем оценили деятельность таких органов, как...», в % к опрошенным)		Сталкивались с деятельностью органов юстиции	Никогда не сталкивался
1.	Главное территориальное управление юстиции в Харьковской области	27,6	72,4
2.	Харьковское городское управление юстиции	26,6	73,4
3.	Государственные нотариальные конторы и частные нотариусы	64,1	35,9
4.	ЗАГС	81	19
5.	Государственная исполнительная служба	40,1	59,9
6.	Районный суд	50	50
7.	Ваш ЖЭК / ОСМД	76,7	23,3
8.	Органы государственной регистрации	46,5	53,5
9.	Центр предоставления административных услуг	33,3	66,7
10.	Центр оказания бесплатной вторичной правовой помощи	23,6	76,4

была использована квотная районированная многоступенчатая механическая выборка с бесповторным случайным отбором респондентов (контролировались пол, возраст и место проживания) (995 респондентов).

Важные результаты о связи знания и практик получены нами в вопросе контакта харьковчан с деятельностью органов юстиции. Мы обнаружили, что практики нормального социального актора современного общества мало пересекаются с административными органами юстиции (управлениями), а также центрами предоставления административных услуг (видимо, в силу недолгосрочности функционирования таковых на момент проведения исследования) и бесплатной вторичной правовой помощи (очевидно, в силу непривычности данной практики для постсоветских социокультурных условий, а также расплывчатости возможного функционала этих центров). Негативным балансом узнаваемости (хотя и ближе к равновесному показателю) обла-

дает государственная исполнительная служба, а «нулевым» - районные суды. Близость показателей этих органов показательна, ведь их деятельность в повседневном опыте любого социального актора достаточно сопряжена.

И наконец, высочайшими показателями узнаваемости обладают нотариат (почти две трети), ЖЭКи/ОСМД (три четверти) и ЗАГСы (свыше 4/5). Это полностью согласуется с выдвинутой нами гипотезой касаясь сильной связи между практиками и знанием.

Однако и в этом случае показательным является достаточно аморфное знание даже среди тех харьковчан, которые обладают таковым (см. таблицу 2).

Так, мы обнаружили, что доминирующей оценкой практически по всем органам юстиции является «оцениваю на среднем уровне» (если, конечно, не учитывать показатель «никогда не сталкивался»). Единственным исключением являются ЗАГСы. Опыт проведения

Таблица 2.

Оценка харьковчанами деятельности органов юстиции (ответы респондентов на вопрос: «Как бы Вы в общем оценили деятельность таких органов, как...», в % к опрошенным)		Отлично, профессионально	Хорошо, в целом я доволен	Оцениваю на среднем уровне	Не понравились некоторые моменты	Очень не понравились, крайне недоволен	Никогда не сталкивался	Баланс положительной и отрицательной оценок
1.	Главное территориальное управление юстиции в Харьковской области	1,8	4,6	15	3	3,1	72,4	+0,3
2.	Харьковское городское управление юстиции	2,2	4,8	14,3	2,1	3,1	73,4	+1,8
3.	Государственные нотариальные конторы и частные нотариусы	12	21,6	22,3	4,8	3,3	35,9	+25,5
4.	ЗАГС	19,1	37,3	19,3	2,7	2,6	19	+41,1
5.	Государственная исполнительная служба	2,7	8,6	19	5,2	4,7	59,9	+1,4
6.	Районный суд	3,5	9,3	20,9	9,1	7,2	50	-5,5
7.	Ваш ЖЭК / ОСМД	8,9	20,5	22,4	13	11,8	23,3	+3,6
8.	Органы государственной регистрации	2,8	12,9	20,3	6	4,5	53,5	+5,2
9.	Центр предоставления административных услуг	2,6	7,1	16,2	4,3	3	66,7	+2,4
10.	Центр оказания бесплатной вторичной правовой помощи	1,7	2,4	13,7	3,7	2	76,4	-1,6

Таблица 3.

Оценка харьковчанами деятельности органов юстиции (ответы респондентов на вопрос: «Как бы Вы в общем оценили деятельность таких органов, как...», в индексах, тах=5,0)		Индекс удовлетворённости деятельностью органа юстиции
1.	Главное территориальное управление юстиции в Харьковской области	2,96
2.	Харьковское городское управление юстиции	3,03
3.	Государственные нотариальные конторы и частные нотариусы	3,53
4.	ЗАГС	3,83
5.	Государственная исполнительная служба	2,98
6.	Районный суд	2,85
7.	Ваш ЖЭК / ОСМД	3,02
8.	Органы государственной регистрации	3,07
9.	Центр предоставления административных услуг	3,06
10.	Центр оказания бесплатной вторичной правовой помощи	2,92

полевых исследований демонстрирует нам, что в шкале, похожей в той или иной степени на шкалу Лайкерта, респонденты зачастую воспринимают третью альтернативу как своеобразный заменитель выбора «затрудняюсь ответить» или «не имею чёткого ответа». К тому же в нашей инструментарии (см. таблицу 2) именно этот вариант нёс минимум конкретных слов и оценок в его формулировке.

Это на массовом уровне говорит нам о том, что знание, конституированное редко осуществляемыми практиками, является аморфным, малосодержательным, неопределённым даже для его субъекта, мало наполненным эмоциями, конкретными впечатлениями, стереотипами, актами перцепции и самодостаточными суждениями.

В этом смысле статистически показательным является, что деятельность практически всех органов юстиции (за исключением нотариата и ЗАГСов) колеблется в очень узком коридоре между 2,85 (районные суды) и 3,07 (органы государственной регистрации). В этот «коридор» в 0,22 вместилось 8 показателей (см. таблицу 3). Оказывается, что малонаполненное и аморфное знание, сформированное спорадическими и «мерцающими» практиками, может быть выявлено посредством низкой дифференциации и «рассеивания» результатов по этим практикам.

Гипотеза подтверждается и тем, что из право-, дее- и деликтоспособных граждан Харькова, как мы выявили, меньше 50% знают места и способы практикования хотя бы половины из предложенных нами юридических практик (см. таблицу 4). Заверение документов, регистрация актов гражданского состояния, оформление бумаг и регистрация недвижимости относится к более или менее непроблематичным и известным среднему социальному актору практикам, тогда как регистрация юридического лица, защита своих прав, судебные тяжбы или бесплатная юридическая помощь не относятся ни к самоочевидным, ни к (очевидно) часто реализуемым, ни к естественно осуществляемым практикам, и, соответственно, знаниевые фрагменты этих практик (суждения и категории) не являются беспроблемными и реифицированными.

Кстати, в этом смысле проблематика правового нигилизма, недоверия к юридической системе и общественного отчуждения от правовых практик и институтов предстаёт в несколько ином свете. Оказывается, что реификация и натурализация, традиционно описываемая в социологической литературе (от Маркса до Фуко, от Бурдьё до Дюркгейма) как объект критики и разоблачающей иронии, является важным залогом юридической и правовой лояльности граждан как повседневных акторов.

Таблица 4.

Осведомлённость харьковчан о практических моментах использования юридических услуг (ответы респондентов на вопрос: «Знаете ли Вы, куда в Вашем районе следует обращаться, если Вам нужно...», в % к опрошенным, упорядочено по узнаваемости)		Знаю	Не знаю	3/0
1.	Заверить документы или их ксерокопии	81,5	18,1	0,4
2.	Зарегистрировать рождение ребенка, брак, уход из жизни родственника	75,9	23,4	0,7
3.	Оформить завещание или дарственную, договор купли-продажи	72,1	27,7	0,2
4.	Зарегистрировать недвижимость или земельный участок	52,6	46,9	0,5
5.	Зарегистрировать юридическое лицо, частное предприятие, общественную организацию или партию	45,5	54,1	0,4
6.	Защитить свои права	36,4	61,7	1,9
7.	Добиться исполнения решения суда	33,8	65,1	1,1
8.	Получить бесплатную юридическую помощь	24,2	75,0	0,8

Таблица 5.

Институциональное доверие харьковчан к органам юстиции (ответы респондентов на вопрос: «Насколько Вы доверяете таким государственным органам, как...», в % к опрошенным)		Полностью доверяю	Скорее доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	Затруднились ответить
1.	Главное территориальное управление юстиции в Харьковской области	4,7	13,5	26,1	14,9	15,3	25,5
2.	ЗАГСы	26,4	47,2	14,5	3,4	6	2,5
3.	Органы нотариата	20	35,1	24,45	8,45	9,6	2,4
4.	Органы государственной исполнительной службы	6,3	16	31	14,8	18,3	13,6
5.	Суды	6,2	13	29,2	19	29,3	3,3
6.	Органы государственной регистрации	7,3	20,6	30	11,6	14,9	15,6
7.	Центры предоставления административных услуг	4,8	17,4	27,5	10,5	15,5	24,3

Таблица 6.

Институциональное доверие харьковчан к органам юстиции (ответы респондентов на вопрос: «Насколько Вы доверяете таким государственным органам, как...», в индексах; max=5,0; упорядочено по убыванию)		Индекс доверия
1.	ЗАГСы	3,87
2.	Органы нотариата	3,49
3.	Органы государственной регистрации	2,92
4.	Центры предоставления административных услуг	2,81
5.	Органы государственной исполнительной службы	2,74
6.	Главное территориальное управление юстиции в Харьковской области	2,7
7.	Суды	2,46

Это полностью подтверждается при прямом исследовании институционального доверия харьковчан к органам юстиции (см. таблицу 5). Выясняется, что позитивным балансом доверия обладают те органы, которые глубоко интегрированы в более или менее стабильные и повторяющиеся практики харьковчан – ЗАГСы, нотариат, органы государственной регистрации (последние – со слабым балансом). Остальные органы юстиции демонстрируют не только низкую известность (то есть интегрированность в знаниевые структуры практик харьковчан), но и низкое доверие (то есть низкие шансы интегрироваться в знаниевые структуры практик в дальнейшем).

Это подтверждается и индексальным показателем (см. таблицу 6): оказывается, что оценкой выше 3,00 (по шкале от 1,00 до 5,00) отличается лишь два органа юстиции (вышеупомянутые ЗАГСы и органы нотариата), тогда как остальные плотно расположились между 2,4 и 2,9. Это характеризует как аморфность, так и стереотипное недоверие (основанное на практической и институциональной отчужденности харьковчан от органов юстиции, а также на указанной выше спорадичности и «мерцающей» природе данных практик).

Таким образом, проанализировав право как форму общественного сознания в рамках социологии знания, мы обратили особое вни-

мание на том, что знание, практики, доверие, структуры в пределах права как конкретной формы общественного сознания связаны, интегрированы и конвергентны. В этом смысле право вполне сравнимо с другими формами общественного сознания как универсумами специфических суждений и категорий (мифология, мораль, религия, наука, обыденное мышление и др.). Их различие, можно выдвинуть гипотезу, объясняется не спецификой отдельно взятых суждений (которые могут быть произведены в рамках любой из форм общественного сознания в том или ином виде), а соотношением инстанций Другого и Третьего (детальней это соотношение мы разбираем в [25]), причём в случае с правом мы видим мощную инстанцию как Другого, так и третьего.

Эмпирически мы обнаружили, что производство суждений (доверие, осведомлённость, практики, осуждение, одобрение и т.п.) непосредственно связано с постоянными (что не синонимично повседневному) практиками самих агентов. Именно поэтому в дальнейших исследованиях мы предлагаем опираться на доказанную нами гипотезу права как прежде всего формы общественного сознания и универсума специфических суждений и категорий, фундамирующихся на специфичном соотношении инстанций Другого и Третьего.

Литература

1. Худоянц М.В. Экологическая форма общественного сознания // Вестник Университета Российской академии образования. – 2007. – № 1. – с. 118-124.
2. А.Н. Задворнов Взаимодействие форм общественного сознания как фактор духовной целостности человека // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – с. 77-81.
3. Голиков А.С. Искусство как форма общественного сознания: идентичность, знание, общественное согласие // Аспекти історичного музикознавства – VIII: Вища мистецька освіта як інструмент збереження культурної ідентичності: зб. Наук. Ст. / Харк. Нац. Ун-т мистецтв імені І.П. Котляревського ; ред.-упоряд. Л.В. Русакова. – X : «Водний спектр Джі-Ем-Пі», 2016. – 272 с., с. 92-105
4. Масловская Е.В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2007. – 139 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.
6. Luhmann N. Rechtssoziologie. – Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1972. – 205 s.
7. Luhmann N. The Unity Of The Legal System / N. Luhmann // Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988, P. 12–35.
8. Luhmann N. The Self-Reproduction Of Law And Its Limits // Dilemmas Of Law In The Welfare State / Ed. By G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1986, p. 111–127.
9. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева. – М., «Логос», 2007. – 360 с.
10. Luhmann N. A Sociological Theory of Law. London: Routledge, 1985, XIII+421 s.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с..
12. Луман Никлас. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
13. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. – Frankfurt-a.-M., 1993. – 598 s.
14. Болтански Л. Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов /Пер. с фр. О. В. Ковеневай. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
15. Бичахчян М.К. Правосознание как форма общественного сознания в условиях современного политического процесса // Философия права. – 2008. – № 5. – с. 122-126.
16. Фербер Н.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. – 205 с.
17. Лазарев В.В. Липень. С.В. Теория государства и права.– М.: «Спарк», 1998. – 448 с.
18. Зырянов М.Ю. К вопросу о месте правосознания среди других форм общественного сознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2009. – № 32 (165). – с. 116-120.
19. Шегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.
20. Задворнов А.Н. Философско-методологические подходы к анализу взаимодействия форм общественного сознания // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. – 2012. – Т. 12. – с. 15-19
21. Карабаева К.Д. Право и мораль как формы общественного сознания в современном аспекте // Вестник ОГУ. - 2014. - № 7 (168). - с. 191-195
22. Мусурманкулова А. Правосознание как форма общественного сознания // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2014. – № 9. – с. 80-83.
23. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., «Мысль», 1980. – 271 с.
24. Сумина Н.Е. Правосознание как одна из форм общественного сознания // Новшества в области педагогики и психологии сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Федеральный центр науки и образования «Эвенсис». – Нижний Новгород, 2016. – с. 69-72.
25. Борисенко Е.А., Голиков А.С. Интернет-конституирование социального: Ирвинг Гофман о знании между социальным Вторым и социальным Третьим // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». Випуск 35. - X.: Видавництво ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. - с. 18-26; Голиков А.С. Социальное как продукт знания: о «втором» или о «третьем»? / Александр Голиков // Соціологія та суспільство: взаємодія в умовах кризи. II Конгрес САУ : тези доповідей (Харків, 17-19 жовтня 2013 р.) X.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 568 с., с. 9-10.